

Еще одна неделя

Яшви Садхир

- Яшви, ты держишь кукри, а не нож для разделки мяса! - Яшви скрипнула зубами и поспешила исправить хват, выровняв костяшки относительно режущей кромки своего оружия и крепче обхватив рукоять. Дядька Оронар, сердито пошевелив усами, отчего стал похож на большого недовольного жука, пошел дальше по ряду тренирующихся детей, с которыми сегодня занималась и она тоже.

Научиться управляться с кукри оказалось для нее не проще, чем освоить другие, непонятные для нее магические способности, и повезло, что дядька, как и подобает опытному старшему воину, был знаком со многими видами оружия, нашедшими свое применения у кочевников. Кукри - не кривая монгольская сабля, но им было очень удобно подрезать сухожилия у лошадей противников. Оружие небольшое, компактное и легкое, как раз по Яшви - так он ворчал, взвешивая оружие в своей руке, когда Яшви пришла к нему с просьбой. До этого все ее владение ограничивалось, в основном, разделкой звериных туш, да самостоятельными попытками бессмысленно размахивать оружием.

- ...Три. Четыре. Пять. Алтан, ты сейчас отрежешь соседу ухо, мишень перед тобой! Шесть... - удар снизу. Удар сверху. Нужно было успевать за темпом дядьки Оронара, следить за хватом, за локтем, за стойкой, никого не порезать и не порезаться самой, а потом опять постараться успеть за темпом дядьки. Пока Яшви проверяла за собой, правильно она стоит, двигается и держит оружие, они уже успевали уходить на два-три такта вперед, так что ей приходилось их спешно догонять.

- Яшви, может быть мне повесить перед тобой тушу овцы, чтобы ты ее заодно разделала? - Яшви упрямо сжимала губы, ловя на себе взгляды остальных мальчиков, которым доставалось куда меньше внимания от наставника, чем ей. По спине градом тек пот, а волосы прилипли ко лбу. Дядька спуску не давал.

- ...Семь. Восемь. Девять. Руку выпрямляй до конца. Твое лезвие должно быть на одной линии с локтем. Десять. Сначала!

Яшви Садхир

Наутро после тренировки с кукри у нее болело все тело, даже те мышцы, о существовании которых она не подозревала. Яшви считала себя сильной, но уже давно не занималась ничем из физической подготовки. Стрельба из лука и верховая езда не вызывали в ней трудностей, а все остальное казалось неподъемным. Кряхтя, она сползала с кровати, умывалась и шла на следующую тренировку с дядькой Оронаром, у которого сейчас было больше времени, чтобы заниматься с будущими воинами. Тренировки помогали - после них не было сил думать о чем-то еще, кроме того, как у нее все болит и почему ей так хочется лечь и больше никогда в жизни ничего не делать.

- Это я тебя еще рукопашному бою не начал учить, - посмеиваясь в усы, заметил дядька, а Яшви, мысленно застонав, сочла за лучшее ретироваться на день

подальше от ставки и дядьки к реке у горной гряды.

Магия воды была одной из тех способностей, которой она хотела научиться, но ей всегда что-то мешало, то свои собственные мысли, то не самые опытные наставники, то нехватка времени. С водой нужно было быть честной, а как быть честной с водой, если у нее не получалось быть честной даже с самой собой. Она вспомнила, как часто ходила к реке просто сидеть и смотреть на ее течение, еще когда жила в Риване. Тогда ей казалось, что река помогает, даже ничего для этого не делая. Она уносила за собой все переживания, которые Яшви больше никому не могла доверить. И ей даже не нужно было говорить вслух, чтобы это почувствовать. Может быть, пора попытаться снова.

Осень у реки ощущалась намного сильнее, но Яшви в теплом дэгэле не мерзла, поэтому без опаски устроилась на камнях прямо на берегу, рассматривая сильное течение. Неподалеку паслись овцы, совершенно не обращая на Яшви никакого внимания и пощипывая остатки осенней травы, за ними следили несколько мальчишек помладше, но они были слишком далеко, чтобы Яшви о них волновалась, и она могла спокойно настроиться на работу.

У воды было два ключа, внутренний и внешний. Внешний - это гибкость. Маг воды гибко, как сама вода, подстраивается под окружение, оставаясь при этом собой, а, встретив препятствие, скорее постарается его обойти, чем проломить его. Но если обойти не может, то терпеливо, капля за каплей, меняет окружение под себя, пробивая себе комфортный путь. Внутренний - эмоции, как раз та часть, которая вызывала у Яшви гораздо больше трудностей. Вода проживает каждый момент своего существования, запоминает, впитывает, чувствует. И принимает те эмоции, которые испытывает.

Сейчас Яшви думала, что ее эмоции, хоть все еще напоминали безумный вихрь всего подряд, все же были ближе к тому, чтобы она их принимала, а не отталкивала те, которые казались неправильными или неуместными. Но чтобы принимать эмоции, нужно было сначала принять на них свое право. Пусть их могли считать неправильными, это бы те эмоции, которые делали ее живой: зависть, злость, растерянность, обида, непонимание, страх - все это принадлежало только ей. В конце концов, она была бокши, она имела полное право не быть хорошей. Яшви коротко усмехнулась этой немного дерзкой и озорной мысли. Если тебя сделали злом, не спеши этому сопротивляться.

Она довольно долго сидела с закрытыми глазами у воды, слушая шум реки и стараясь понять, принять и отпустить все то, что чувствовала. Где-то были и обида на Сонгцэна, и ее тоже нужно было отпустить. Страх, что они никогда больше не увидятся - бросай в реку, как камень. Острую, щемящую тоску - туда же, и быстрое течение все смое. Если ему будет лучше без нее, если он будет гораздо счастливее так, когда ее нет рядом, для нее это важнее личного счастья. Даже если они больше никогда не увидятся, она не разучится дышать, и ее жизнь не закончится. Она не будет такой, как раньше, но главное, чтобы с ним все было хорошо.

Она потянулась к воде, но не руками, а энергией оранжевого цвета, как когда-то учила ее сифу Грей в Линь Ян Шо, и это движение далось ей легко и без трудностей,

как будто вода только ждала момента, чтобы отозваться. Волной скользнула к руке, окутала ладонь податливо. Яшви добавила вторую руку, притягивая к себе больше воды, больше, чем всегда, впервые чувствуя, как стихия ей действительно откликается. Это было непривычное ей чувство детского восторга от вдруг сложившейся в одно единое целое картинки, пока волна все росла до тех пор, пока удерживать такой объем воды не стало тяжело. Яшви отпустила воду: обдав ее прохладными брызгами, вода вернулась в свое русло, продолжая течь так, словно ничего и не произошло.

Яшви Садхир

Случались и иные дни, когда Яшви снова начинало казаться, что она запуталась в себе и снова не может выбраться из собственных мыслей. Сегодня она долго не могла уснуть, мыслями все возвращаясь к Сонгцэну. Прошло полторы недели с ее отъезда, но она не получила от него ни одного письма, хотя сейчас из-за близости к Улан-Батору почта работала без перебоев, ведь почтовым курьерам не приходилось искать клан в степи. Посыльные бывали в городе каждые два-три дня по делам клана и обязательно заезжали на почту. Она несколько раз садилась в кровати и брала бумагу, чтобы начать писать первой, но слова на ум не шли, а то, что она успевала написать, казалось неуместным, неверным, не тем. Так ничего и не написав, Яшви снова ложилась и долго крутила в голове одни и те же мысли.

У нее все валилось из рук, утром она все-таки порезалась кукри и была отослана к лекарю Чалууну, чтобы обработать рану. Добродушно ее подбадривая, врачеватель обработал порез и закрыл бинтом, обещая, что уже через неделю от пореза не останется и следа, как раз к свадьбе Номинжин. Яшви едва сдержалась, чтобы не огрызнуться в ответ, и поспешила снова сбежать, и почти весь день просидела в своем гэре, нервно меряя гэр шагами, как будто что-то не давало ей сидеть спокойно, какой-то странный зуд, желание куда-то бежать, прятаться, оказаться далеко-далеко отсюда. Пока не заметила вечером, выходя из гэра, чтобы зажечь факел у порога, полный диск луны.

Луна манила сильнее, чем обычно. Яшви вдруг вспомнила тибетскую лисицу, которую она встретила в степи в тот вечер, когда они охотились с Алахчит, а уже в следующий момент лисьи глаза оказались так близко, что Яшви в них утонула.

Яшви Садхир

В нос били незнакомые запахи, тело казалось неуклюжим, неловким, неудобным, низким, хвост - тяжелым и толстым, мешающим. Все вокруг было совсем не таким, каким она привыкла видеть, и смутная тревога заставляла новоявленную лисицу пытаться забиться куда-то под лавку, за корыто с водой, за лежащие у порога какие-то мешки. Свет полной луны слепил глаза, лисица прищурилась, затем поморщилась и чихнула, облизнулась, стараясь смыть с носа непривычные ароматы.

Сделала первые несколько шагов, путаясь в лапах и наступая на собственный хвост, который висел, словно мертвый, позади, тут же врезалась боком в лавку, юркнула под нее, опасливо высываясь из-под деревянного сиденья и оценивая окружение на предмет опасности. Несколько раз лизнула ноющую лапу со следом пореза на ней, затем заинтересовалась странным запахом у земли, ткнулась в это место

носом, принялась рыть землю, но в итоге запах потеряла и снова чихнула.

Ощерилась угрожающе, заметив вокруг чужаков, возвышающихся над ней, словно великаны, постаралась забиться поглубже под лавку, но уперлась задом в низкую плетеную ограду и тявнула от неожиданности.

- Яшви, возвращайся, - вот еще, никакая она не Яшви. Она - Лиса! Но тело уже вновь пронзила сильная судорога, после которой Яшви почти ничего не запомнила.

Яшви Садхир

О первом превращении Яшви узнала скорее со слов окружающих, чем действительно что-то смогла вспомнить самостоятельно. Она лишь смутно вспоминала лисьи глаза, песчаные, как сама степь, тяжелый хвост, который ей поначалу мешал, и ощущение, что мир - совершенно не такой, каким она привыкла его видеть. Дед запретил ей напрягаться и велел больше отдыхать, оставив в гэре под присмотром эме, и Яшви пришлось проваляться в кровати почти сутки, и за это время она уже была готова лезть на войлочные стены. Ей было бы гораздо проще, если бы у нее было какое занятие, а так, не имея никакой возможности заняться хоть чем-нибудь, Яшви снова запрещала себе мысленно приближаться к принцу Сонгцэну, да вспоминала травы, которые можно было использовать во врачевании и быту. Дудник помогает от болей в ушах. Душица успокаивает нервную систему - ей бы, наверное, не помешал сейчас отвар душицы, чтобы успокоить мечущийся ум. Портулак используют при женских кровотечениях. Таволга хорошо помогает при укусах змей, а еще отпугивает комаров. Можно не закрывать окно, чтобы их не напустить, а просто использовать таволгу, например. Куда действеннее. Яшви зажмурилась, чтобы снова не думать о Сонгцэне.

Когда, наконец, эме над ней сжалилась и выпустила из гэра, Яшви остаток дня провела, наблюдая за тем, как работают Медведи, занятые постройкой домов. Несмотря на то, что на дворе была поздняя осень, все они - огромные, бородатые, с кустистыми бровями, похожие на медведей, вставших на задние лапы, были без обуви, работали неторопясь, слаженно, вдумчиво. Есугэй, жених Номинжин, заметивший ее интерес, ненадолго отвлекся, подшел ближе, пытаясь завязать вежливый разговор. Яшви поначалу ограничивалась короткими фразами, но постепенно разговорилась, больше задавая вопросы по магию земли.

Она никогда не изучала ее специально, даже не знала про ключи, которые составляли основу стихии, и ей было интересно послушать, как с ней работают те, кто привык использовать магию земли в привычной, повседневной жизни. Шакалы были в ней мастерами, но они были воинами и знали лишь разрушающую сторону, Медведи же относились бережно, создавая и возводя новые пастбища. Строя дома, помогая ослабленным растениям выжить, добывая руды и полезные ископаемые. Они были мирными обывателями, а не завоевателями, и это подкупало гораздо сильнее. При этом, Яшви не сомневалась, что могли дать отпор даже голыми руками - достаточно было взглянуть на ладонь Есугэя, которая была размером чуть ли не с ее голову.

У Земли, как и у Воды, было два ключа, внешний и внутренний. Внешний - это спокойствие и стабильность. А вот внутренний ключ ее порядком удивил, когда она

поняла, что уже давно о нем догадывалась и сама, но не очень понимала ее смысла. Это была надежда. Есугэя позвали его соплеменники, чтобы уложить в фундамент большую каменную плиту, а Яшви осталась продолжать свои наблюдения, но уже осознаннее думая о магии земли. Пока была тень надежды, от нее было сложно отказаться.

Вечером, укладываясь спать, Яшви уже не пыталась отгонять от себя мысли об Сонгцэне. И вместо страха, что больше никогда его не увидит, надеялась, что сможет увидеть еще хоть раз.

Яшви Садхир

Обучение у Тургэн-боо тоже продолжалось. Яшви прилежно слушала, перенимая какие-то детали и тонкости, обзавелась еще парой ожерелий из перьев и костей, решила, что будет нелишним соорудить себе бубен, даже если ей все еще было непривычно и пользоваться, и ей комфортнее и удобнее было петь, а не настукивать мотивы. Хуже не будет. А вчера Тургэн-боо подарил ей украшенный рогами косули, бусинами, лентами и черепом ласки шаманский головной убор. Обычно Яшви просто заплетала в волосы ленты, иногда вплетала перья и костяные бусины, но, увидев подарок, почувствовала, как одобрительно загудели духи - низко, протяжно. И ей и им подарок пришелся по душе.

Ее обучение должно было скоро подойти к концу. Она уже не провалилась в спонтанные трансы, научилась правильно задавать вопросы, пока еще делая это под присмотром опытного шамана, но и не снимала четки из дымчатого кварца, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания духов. Тургэн объяснил, что этим не нужно было пренебрегать в обычной жизни, и что четки помогают сознанию оставаться защищенным, пока она находится в трансе. В отличие от всего остального, что только привлекало духов - кости, кровь, принесенные в жертву мелкие животные и птицы, душистые травы, настраивающие на нужный лад.

И в один из дней Яшви решила, что хочет, наконец, оставить Майю Тхакур в покое. Это было нужно не покойной принцессе сурикатов, это нужно было Яшви, чтобы, наконец, поставить в этом деле жирную точку и отпустить воспоминания и навязчивые мысли об некогда идеальной принцессе. Яшви знала, что дух самой Майи не встретит, но она его и не искала. Это не то, что было на самом деле. Это то, что чувствовала она сама. Потратив день на то, чтобы сшить простенькую тряпичную игрушку в форме, отдаленно напоминающей не то суриката, не то все таки какого-то хомяка, Яшви повязала ему вокруг шеи прядь собственных волос, а потом, собрав все свое шаманское добро, выехала из ставки, чтобы найти подходящее место. Она нашла его не сразу, почти в двух часах пути от ставки, но, спешившись и оставив Ворона пастись в стороне, почувствовала, что это то самое место.

Еще полчаса заняли все приготовления - костер, все многочисленные бусы и новая шаманская шапка, которая была ей точно по размеру, ленты в волосах. Дождавшись, пока костер основательно разгорится, Яшви бросила самодельную игрушку в пламя, закрыла глаза и запела, сразу настраиваясь на нужный ритм.

Она шла по улице разрушенного города, и Яшви сразу узнала это место. В прошлый

раз оно было охвачено огнем, чем-то похожее на резиденцию Кобр. Когда-то этот город можно было назвать красивым, но здесь по-прежнему не было ни души, а Яшви шла вперед ко дворцу - возвышающемуся над остальными постройками зданию, сейчас скалящемуся на нее пустыми глазницами окон. Раньше на площади лежали саваны, сейчас вместо них были только истлевшие обрывки погребальной ткани. Пустота, разруха, давящая на уши тишина. Дворец был заброшен, пуст и печален. Пахло пылью, прахом и чем-то еще.

Так пахнут умирающие цветы.

В прошлый раз она сразу пошла в сад, но сейчас поперек дорожки туда лежала обрушенная колонна, и вместо этого Яшви вошла в сам дворец. Здесь все было так, как, наверняка, оставалось после нападения на клан. Разбитые вазы, сломанная мебель, засохшие бурые потеки на красивом мраморном полу. Сорванные и изрезанные на лоскуты тяжелые шторы, висевшие на окнах, словно невразумительное тряпье. Клан был стерт с лица земли. Яшви пересекла главный холл, заглянула в приоткрытые двери справа - та же пустота и разруха, пошла дальше. Поднялась наверх по мраморной лестнице и попала, судя по всему, в женское крыло. Здесь было гораздо больше картин, ваз и умирающих цветов, в воздухе висел удушающий запах тления и гниения, но вокруг все было таким же уничтоженным, как и везде во дворце. Яшви прошла дальше, туда, откуда слышала смутно знакомую мелодию. Уже понимая, что увидит, Яшви толкнула дверь в комнату, где сиротливо покачивалась на ветру покосившаяся створка окна - того самого, из которого выбросилась принцесса сурикатов.

На красивом кресле со спинкой сидела ее бабушка, такой, какой она ее помнила, и пела. Тихо, едва разборчиво напевая, как будто пела кому-то колыбельную. Заметив Яшви, она прекратила петь, плотнее укуталась в платок - под ним бугрилось что-то, что наталкивало на мысли об еще паре или двух парах дополнительных рук - и сказала:

- Здравствуй, Охин.

- Бабушка, - было так непривычно видеть именно ее, а не многорукую насмешливую тень, что Яшви даже растерялась.

- Ты кого-то потеряла? - Яшви вдруг заметила, что волосы бабушки заплетены в две косы с вплетенными в них красными лентами. Совсем так же, как делала она сама.

- Я...не знаю, - призналась Яшви.

- Ее здесь больше нет, - бабушка не спрашивала, она утверждала. Кутаясь в этот большой платок, под которыми были спрятаны ее многочисленные руки.

- Знаю. Но я пришла не для нее. Я пришла для себя.

- Идем, я кое-что тебе покажу, - из-под платка высунулась еще одна рука, которая поманила Яшви за собой, а затем снова спряталась обратно. Выглядело это жутко, и Яшви опасливо приблизилась к окну, куда ее звала бабушка. - Смотри, Охин. Смотри вниз.

Яшви осторожно высунулась в окно, увидела на камнях внизу распластанное тело. В нем не было ничего красивого, возле головы расплылось кровавое пятно, волосы были спутаны, но Яшви сразу поняла, кто это был.

- Шагнуть в огонь, шагнуть в окно или жить, что ты выберешь? - вдруг спросила бабушка из-за спины. Яшви запаниковала, отшатываясь от окна назад, но почувствовала, что не может пошевелиться.

- Жить! Я выберу жить! - выкрикнула она, стараясь зацепиться за оконную раму.

- Так живи!

Яшви Садхир

Ее с силой толкнули в спину, Яшви нелепо взмахнула руками, и практически не успела испугаться быстро приближающимся камням мощеного двора. Там, где когда-то лежало тело Майи Тхакур, теперь, изломанная, лежала она сама.

Яшви резко вынырнула из транса, как будто из нее вышибло весь воздух, и закашлялась, потому что от удара об землю плашмя ей было нечем дышать. Костер еще даже не успел прогореть - в середине его обгорала самодельная игрушка, распространяя сильный запах горелой ткани. Яшви повела лопатками, еще раз закашлялась, и отползла от костра чуть дальше, одновременно с этим снимая с себя и повязку с оленьими рогами и стягивая с шеи многочисленные бусы.

Падать вниз, даже в трансе, даже зная, что все это не по настоящему, было неприятно, и боль от удара казалась почти осязаемой, как будто ей и правда переломало все кости. Это был очень короткий, но максимально исчерпывающий ответ на вопрос, который она так и не задала вслух, но с которым входила в транс. И Яшви поняла, какой именно ответ ей дали - оставить и больше в это не лезть, а, наконец, просто жить дальше. Майя Тхакур ушла, но, по всей видимости, чтобы понять это наверняка, Яшви нужно было увидеть это своими глазами. И испытать на себе, что такое - падать плашмя на камень с высоты нескольких этажей. Что ж, ей показали. Она поежилась, как от холода.

Когда костер догорел, так что от самодельной игрушки осталась только горстка пепла, Яшви оседлала Ворона и поехала в сторону клана. Она слишком упорно пыталась добраться туда, куда не было пути даже таким, как она, и Яшви хорошо усвоила этот урок. Иногда мертвые должны оставаться мертвыми.
